

Памятник Александру III — самый странный в Петербурге. Начать хотя бы с того, что трудно описать его местоположение | 15

Тематическое приложение к газете Коммерсантъ		
Наследие		
Среда 25 декабря 2019 №238 (6718 с момента возобновления издания)		
spb.kommersant.ru		
Цветные тематические страницы №13–16 являются составной частью газеты «Коммерсантъ». Зарегистрировано в Роскомнадзоре ПИ № ФС77-76924 9 октября 2019 года. Распространяются только в составе газеты. Подписчики получают цветные тематические страницы: «Дом», «Телеком», «Банк», «Страхование», «Лизинг», «Стиль» и другие.		
14 Филипп Грибанов: «Наш главный принцип — соблюдать интересы Петербурга»		15 Рафаэль Даянов: «Мы должны оставить потомкам красивый город»

Сохранение исторического облика Петербурга всегда было и остается вопросом, который вызывает обширные дискуссии. Особые споры касаются высотного строительства и охраны так называемой «небесной линии» города.

Зигзаги небесной линии

— исторический облик —

Специалисты неустанно напоминают, что целостный архитектурный ландшафт города формировался несколько столетий в условиях жесткого градостроительного регулирования, в том числе относительно планировки кварталов. Достаточно вспомнить о распоряжениях возводить дома вдоль улиц по «красным линиям и в один горизонт» или застройку «единой фасадой». При этом практически до начала XX века все строительство происходило в соответствии со званиями и чинами владельцев домов. Как поясняет профессор Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Российской академии художеств Владимир Лисовский, это говорит о том, что абсолютные размеры архитектурных доминант не регламентировались и «определялись лишь пожеланиями заказчиков и реальными техническими возможностями, а также идеологическими, художественными и градостроительными соображениями». Кардинальные изменения стали происходить в конце XIX века вплоть до 80-х годов прошлого. Это период революционных потрясений, сноса памятников и монументов, последствий войны и дальнейших перестроек города в 50-х и 60-х годах. «Исторически ограничения по высотности в Петербурге были всегда, еще с царских времен выше карниза Зимнего дворца можно было строить только церкви. Петербург всегда был плоским городом с доминантами в виде церкви и соборов. Хотя уже в XIX веке в процессе индустриализации вдоль набережных появились заводы с большим количеством высоких дымовых труб»,— напоминает генеральный директор Knight Frank St Petersburg Николай Пашков.

По горизонтали

Понятие «небесная линия» ввел Дмитрий Лихачев, рассуждая о формировании внешнего облика города. Впоследствии этим словосочетанием стало принято называть архитектурный образ очертаний исторических зданий города. Дмитрий Лихачев обозначил в качестве характерной градостроительной черты Ленинграда преобладание горизонталей над вертикалями. И действительно, долгие годы основными доминантами были Петропавловский собор, Адмиралтейство и Михайловский замок.

Дмитрий Лихачев также обозначил и здания, которые нарушали доминирующее значение горизонталей в городе. В их числе оказалась, к примеру, гостиница «Санкт-Петербург» (ранее — «Ленинград»). По его мнению, горизонтали отеля совершенно не согласуются с горизонталями Большой Невы. «Легко можно было бы включить в горизонтали города постройки набережных Большой Невки, но здесь нарушен принцип сплошной, „ленточной“ застройки»,— считал он. Другим существенным нарушением образа города, по мнению Дмитрия Лихачева, стала гостиница «Советская» (в настоящее время «Азимут Отель Санкт-Петербург»). «Здания резко разновысотные, поставленные изолированно, нарушают типичную для Ленинграда небесную линию, создают мрачную хаотичность»,— отмечал он.

Спустя несколько десятилетий выражение «небесная линия» приобретает больший вес и будет звучать все чаще при обсуждении развития города. Одни из наиболее



Понятие «небесная линия» ввел Дмитрий Лихачев, рассуждая о формировании внешнего облика города. Впоследствии этим словосочетанием стало принято называть архитектурный образ очертаний исторических зданий города

резонансных объектов, построенных в последние десятилетия, — это здание Товарно-фондовой биржи и комплекс «Финансист» на Васильевском острове, торговый центр «Стокманн» на углу Невского проспекта и улицы Восстания, жилой комплекс «Монблан» на Большом Сампсониевском проспекте. Последние масштабные стройки, к примеру новый стадион на Крестовском, тоже, по мнению некоторых, скорректировали панораму города.

По словам представителя Фонда содействия строительству культовых сооружений Русской православной церкви в Санкт-Петербурге Филиппа Грибанова, объекты, которые когда-либо меняли «небесную линию», были всегда: с самого основания Петербурга. «Не надо забывать, что раньше доминантой выступало и Коношенное ведомство, на котором был шпиль, как на Адмиралтействе, но мало кто об этом знает. Если говорить о временах ближе к современности, то это телебашня, которая, на мой взгляд, ничуть не испортила небесную

линию Петербурга. Да, это инженерное оружие, но архитектурно оно вписалось в ландшафт. „Лахта-центр“ не так сильно, конечно, виден из центра города, но также не повредил небесной линии, он выглядит аккуратно и гармонично, удачное цветное и архитектурное решение»,— говорит Филипп Грибанов.

Не правовое понятие

Партнер, руководитель практики по недвижимости и инвестициям «Качкин и Партнеры» Дмитрий Некрестьянов считает, что охрана небесной линии — это извращенное регулирование высотности, которое отличается субъективизмом восприятия. «Данный способ регулирования является особенно-стью Санкт-Петербурга в силу исторических особенностей создания города, где высота всегда регулировалась достаточно строго и в основном через критерий сравнения „не выше чем...“. Это во многом связано с особенностью местного рельефа, где практически нет перепадов естественных высот, что отличает наш город от многих других. В Москве, например, тоже есть такой механизм, как оценка визуально-ландшафтного восприятия пространства, но он применяется исключительно как резервный механизм регулирования высотности»,— поясняет Дмитрий Некрестьянов. По его мнению,

необходимо помнить, что урбанистика и цивилизация шагнули далеко вперед и практически невозможно сохранить небесную линию нетронутой, так как любое строительство так или иначе сказывается на ее восприятии. «Представляется, что регулировать „сохранение небесной линии“ все же абсурдно, и надо себе честно признаться, что только через регулирование в измеряемых и понятных величинах мы сможем избежать рисков полной дисгармонии в восприятии города»,— считает Дмитрий Некрестьянов.

Филипп Грибанов считает, что никаких дополнительных законодательных ограничений не требуется. «Подходить к сохранению небесной линии нужно с точки зрения ее природы, которая как раз подчеркивает высотными доминантами должны быть истинными шедеврами, которые украсят город на столетия вперед»,— рассуждает Филипп Грибанов. Николай Пашков называет небесную линию романтической идеей постсоветской интеллигенции. «Безусловно, ограничение высотности, как и плотности, застройки должно присутствовать в любом нормальном градостроительном регулировании. Оно есть во многих городах мира в разных вариантах: это и высотность, и видовые коридоры, например в Ванкувере

можно с любой точки города видеть горы. Такое регулирование в принципе должно присутствовать по совокупности обстоятельств, а не только из-за небесной линии как таковой»,— отмечает Николай Пашков.

Директор по развитию строительно-инвестиционного холдинга «Аквилон Инвест» Виталий Коробов напоминает, что архитектурные доминанты в развитых городах были всегда. «Их роль, как правило, выполняли храмы. Для новых районов современной застройки они также могут быть актуальны. Город не может до бесконечности разрастаться в ширину. Технически сложные, современные и концептуально проработанные высотные здания задают новый вектор развития городской среды, становятся новыми точками притяжения. Если есть возможность строить технологичные высокие здания, которые украсили бы город, почему бы этого не делать? Важно, чтобы такие объекты гармонично вписывались в среду и были удобны для главных пользователей — горожан и гостей города. Для этого мало просто построить высокое здание, необходимо предусмотреть большое количество инфраструктурных объектов, общественных пространств, зеленых зон, паркингов. И эти вопросы необходимо строго регулировать законодательно»,— уверен Виталий Коробов.

Арина Макарова

Принять непривычное

— общественное мнение —

Восстановление утраченных архитектурных доминант в Петербурге — вопрос неоднозначный, поскольку любое вмешательство в исторический центр вызывает у жителей и градозащитников определенные опасения. Тем не менее, как показал проведенный социологический опрос, горожане готовы к диалогу, если проект кажется им интересным. Проффессиональное сообщество, в свою очередь, говорит о восстановлении исторических связей и возвращении исторического облика города.

В конце ноября текущего года Институтом современного государственного развития среди был проведен социологический опрос с целью выявления наиболее актуальных проблем, относящихся к вопросам городской среды, а также сохране-

ния, реставрации и восстановления памятников архитектуры, определяющих облик Санкт-Петербурга. Как показали результаты исследования, жестких противников восстановления утраченных или нереализованных зданий и сооружений, если они задуманы выдающимися архитекторами в своих проектах, оказалось немного.

Показательные результаты «Позиция определенной группы градозащитников, говорящих, что ничего не нужно менять, как оказалось, массовой поддержки не имеет. В основном люди готовы к изменениям. Готовность к началу диалога — большая и подавляющая. Кроме того, есть даже те, кто считает изменения необходимыми»,— говорит Дмитрий Солонников, директор Института современного государственного развития. Так, противников первоначально задуманных проек-

тов, ответивших «нет, категорически ничего изменять не надо», оказалось 13,1%, следует из результатов проведенного опроса. При этом вариант ответа «нет, но, посмотреть, как это должно было выглядеть, было бы интересно» выбрали 20,5% опрошенных. Наибольший интерес для социологов представлял вариант ответа «да, если задуманный проект интересный, то его можно вынести на публичное обсуждение». Его выбрали 41,5% опрошенных жителей.

По словам Дмитрия Солонникова, довольно высокий процент тех, кто готов обсудить реализацию таких проектов, говорит о готовности к диалогу — с властями, проектными организациями, экспертным сообществом. «Это интересный результат исследования. Люди хотят принять личное участие в решении подобных вопросов. Это важно для всех заинтересованных сторон»,— добавляет эксперт.

Иррациональное «против»

Тем не менее ряд экспертов отмечает, что в Петербурге особое отношение к привычному окружению и поэтому любые изменения в облике даже на этапе обсуждения вызывают несколько негативную реакцию.

«Петербургцы не готовы к переменам в облике города. Рационального зерна в непринятии изменений облика, в том числе в отношении доминант, мы не видим. Скорее всего, дело в иррациональном страхе любых серьезных изменений и оставшейся от советских времен тяге к псевдостабильности, граничащей с застоем»,— считает Ольга Шарыгина, вице-президент Becar Asset Management.

С ней солидарен Михаил Кондиайн, соучредитель Архитектурного бюро «Земцов, Кондиайн и партнеры», что за 70 лет так называемого зстоя в Петербурге, особенно в его центральной части,

не возводилось практически ничего более или менее достойного. «А в 1990-е годы, когда начала появляться архитектурная активность, недостаточная культура некоторых заказчиков привела к градостроительным ошибкам, в том числе испортившим небесную линию города. Неудивительно, что горожане теперь в принципе очень негативно настроены в отношении чего-либо нового. Но я считаю, что маятник качается в разные стороны — и ситуация со временем изменится»,— делится своим мнением господин Кондиайн.

По мнению соучредителя Архитектурного бюро «Земцов, Кондиайн и партнеры», когда воссоздается что-либо утраченное, например храм, то это в первый момент может вызывать у части населения некоторый негатив. «Поскольку, образно говоря, новое здание будет так называемым новоделом и сделано не

из тех же самых камней, что были раньше. Но потом все встанет на свои места. Храмы были доминантами в своем ареале и выполняли градостроительную и архитектурную роль, и важно эту роль снова за ними закрепить»,— говорит господин Кондиайн.

Госпожа Шарыгина говорит, что исключением из общего негативного настроения со стороны населения можно считать реставрацию исторических зданий без последующей эксплуатации, по крайней мере коммерческой. При этом, по мнению эксперта, есть надежда на ассимилировавшихся петербуржцев, которые приехали в город в период жизни одного-двух поколений. «Их взгляды на городской облик более прагматичны, и они чаще одобряют реставрацию зданий именно под современное приспособление и актуальное использование»,— говорит она.

наследие

«Наш главный принцип — соблюдать интересы Петербурга»

Представитель Фонда содействия строительству культовых сооружений Русской православной церкви в Санкт-Петербурге **Филипп Грибанов** в интервью корреспонденту „Ъ“ Марии Кузнецовой рассказал о планируемом восстановлении колокольни Смольного собора, реакции экспертного сообщества и жителей на появление новой архитектурной доминанты, а также способах преодоления критических настроений и новых открыточных видах Петербурга.

— экспертное мнение —

— В настоящее время при содействии фонда восстанавливаются два культовых объекта. Расскажите, на каком этапе они находятся и когда планируется завершить эту работу.

— Работы на нашем первом объекте, церкви Пресвятой Троицы в составе выявленного объекта культурного наследия «Киновия Александровской лавры» на Октябрьской набережной, уже завершены. Когда мы в 2015 году приступили к восстановлению, здание было полуразрушено и находилось в аварийном состоянии. Сейчас идет финальная приемка со стороны КГИОПа, и после ее завершения мы будем передавать церковь епархии — это намечено на начало следующего года. Второй объект — церковь Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость С Грошиками» на проспекте Обуховской Обороны, утраченная в 30-е годы прошлого века. Предполагается завершить ее строительство до конца следующего года.

— А к реализации каких проектов фонд планирует приступить в ближайшее время?

— Одна из жемужин нашего портфеля — первый храм Петербурга, Троицкая церковь, которую заложил сам Петр. Поскольку в нынешних условиях этот деревянный храм невозможно воссоздать в рамках уже сложившегося окружения, было принято решение организовать на историческом месте памятный знак. Еще один объект — церковь Бориса и Глеба на Синопской набережной, которая была снесена в 70-х годах. Несмотря на то что фундаментов

церкви не сохранилось, рядом есть пустующий участок, поэтому смещение будет минимальное. А это значит, что церковь будет восстановлена практически на историческом месте. Я считаю, воссоздание подобных доминант в нашем городе просто необходимо, даже несмотря на их относительно нецентральное местоположение. Особенно на набережных, поскольку это способствует формированию новых открыточных видов Петербурга.

— Но наверняка наибольшую реакцию со стороны жителей города вызовет проект воссоздания колокольни Смольного собора.

— Мы довольно долго изучали и анализировали данный объект: как с исторической, так и с технической стороны. У нас есть подтверждение тому, что колокольня не просто была в проекте, как многие думают, а была достроена выше зданий келейных корпусов. По замыслу Растрелли предполагалось, что, проходя через арку и попадая внутрь, человек должен был видеть величественный собор — примерно как открывающиеся шкапулки. В течение 30 лет колокольня использовалась как здание для служб. Позже, уже при Екатерине, когда Растрелли выгнали из страны, собор возводили совершенно другие архитекторы, испытывавшие антипатию к барокко. Они отказались от колокольни и все разобрали, достроив при этом келейные корпуса. А в ходе проведенной в 2010 году археологической экспертизы был обнаружен огромный фундамент — то есть по тем временам была проделана титаническая работа. Дальше мы



АЛЕКСАНДР КОНОНОВ

изучали техническую возможность строить колокольню с максимальным сохранением фундамента, оценивая влияние на соседние здания. И это оказалось возможным. Параллельно мы интересовались мнением экспертного сообщества. И выяснилось, что большинство выступает за. Мы всесторонне подошли к вопросу, поскольку наш главный принцип — соблюдать интересы Санкт-Петербурга.

— А проводили ли вы социологические опросы, чтобы узнать мнение обычных жителей?

— Да, проводили, поскольку врать самим себе не имеет никакого смысла. Мы приняли решение провести масштабное социологическое исследование среди жителей Центрального района. В наших интересах было увидеть объективную картину, дабы не заблуждаться и не впадать в раж. И результаты нас сильно удивили. Довольно много людей — около 30% — либо поддержали идею, либо проявили интерес к проекту, о котором не слышали ранее.

— Можно ли из этого сделать промежуточный вывод о том, что проект будет воспринят городской общественностью положительно?

— Так уж сложилось, что любой проект может стать объектом внимания и определенной негативной активности. Мы, естественно, готовы к объяснениям, общению и диалогу. Мы следуем этому принципу при реализации любого из наших проектов. Ведь мы ничего не разрушаем, мы завершаем шедевр Растрелли.

— А как будет организовано общение с горожанами, чтобы максимально подробно осветить данный проект?

— Помимо современных средств коммуникации мы думаем над проведением цикла лекций для всех желающих, где будем рассказывать о проекте. Критические настроения можно преодолеть с помощью просветительской работы. Однако мы убеждены в том, что принятие решения о реализации проекта

должно все же ложиться на плечи профессионального экспертного сообщества.

— Ваш фонд уже взаимодействует с городскими властями, обсуждая проект восстановления колокольни?

— Мы действуем очень последовательно, максимально открыто и прозрачно. Как только проект будет официально представлен, начнется коммуникация со всеми профильными комитетами.

— Учитывая масштаб проекта, нет ли здесь риска появления очередного долгостроя? Как обстоят дела с финансированием?

— Основным фактором, который мы анализировали, прежде чем рассматривать возможность строительства, был анализ денежных потоков. Не имея ни подтверждения со стороны меценатов, ни уверенности, нет смысла что-либо вообще затевать. У нас такая уверенность есть. Кроме того, в нашем портфеле уже есть два реализуемых проекта, о которых я

говорил ранее. Мы дорожим своей репутацией.

— А сколько времени приблизительно займет возведение колокольни?

— Мы ориентируемся примерно на 5-7 лет. Но значительную часть времени займет решение вопросов с документами и проектированием. — То есть в течение этого времени существующий открыточный вид набережной будет испорчен строительными лесами?

— Исходя из той визуализации, которую мы делали, с набережной видно ничего быть не должно. Однако если вспомнить, допустим, собор Святого Семейства в Барселоне, то там даже сама стройка уже стала центром притяжения туристов. Поэтому как все понимают, что это войдет в историю.

— Давайте поговорим о переносе памятника Александру III на площадь Восстания. Разговоры об этом идут довольно давно. Почему ваш фонд решил в этом поучаствовать и где теперь будет стоять обелиск «Городу-герою Ленинграду»?

— Несмотря на то что данный памятник не является культовым объектом, он занимает важное место в истории и культуре Петербурга. А нашей главной задачей все же является возвращение городу его исторического облика. Именно поэтому фонд принял решение оказать содействие в установке памятника на прежнее место. Что касается обелиска, то, по одной из версий, его изначально планировалось установить на площади Мужества. Мы считаем, что монумент станет логичным завершением ансамбля, посвященного Победе, в том районе и фактически станет его новой доминантой.

Вообще в своей работе мы стараемся воссоздавать только самые лучшие образцы архитектуры города, соизмеряя это с потребностями сегодняшнего дня. Но смотрим мы при этом в день завтрашний: как тот или иной памятник будет выглядеть на определенном месте в будущем, как его воспримут потомки. Давайте мысленно перенесемся на сто лет вперед. Какими архитектурными памятниками начала XXI века будут гордиться наши потомки? Я уверен, это будет колокольня Растрелли.

Принять непривычное

— общественное мнение —

Важность диалога

Депутат петербургского ЗакСа Борис Вишневский, напротив, оценивает готовность жителей к восстановлению исторического центра города как довольно высокую. Однако, по его мнению, категорически важно при принятии решения о воссоздании того или иного объекта идти на диалог с жителями района и учитывать их позицию.

Александр Кононов, заместитель председателя Совета Санкт-Петербургского городского отделения ВООПИиКа добавляет, что в законе Санкт-Петербурга № 820-7 «О границах объединенных зон охраны объектов культурного наследия, расположенных на территории Санкт-Петербурга, режимах использования земель и требованиях к градостроительным регламентам в границах указанных зон» есть перечень тех архитектурных доминант, утрата которых повлекла за собой серьезное повреждение градостроительной ткани. «И поэтому они уже восстанавливаются, этот процесс в последние годы запущен. Есть доминанты, которые предстоит воссоздать. Это не быстро, но это происходит», — поясняет градозащитник.

По мнению господина Вишневского, каждый случай нужно рассматривать отдельно и с учетом уже сложившегося за много лет отсутствия архитектурной доминанты в районе застройки. «Как, например, это было с Рождественским сквером, когда в этом месте воссоздавали церковь Рождества Христова на Песках. В то время, когда она там располагалась, не было окружающих домов, и сейчас сквер стал единственным зеленым уголком в округе. Но, несмотря на протесты местных жителей, их голоса не были учтены», — рассказал депутат.

По словам господина Коконова, важно не сделать хуже в градостроительном контексте, воссоздавая историческую справедливость. «Есть доминанты, которые никогда не существовали, например колокольня Смольного собора. Тот проект, который в итоге был реализован, является памятником, и недостающих частей у него нет. Тем более что все сегодняшнее окружение не предполагает таких попыток», — добавляет он.

Интересно, что в рамках социологического опроса, проведенного Институтом современного государственного развития, 27% ответили: «Нет, но посмотреть, как это должно было выглядеть, было бы интересно».



У жителей Петербурга особое отношение к привычному окружению

Ответ «Да, проект интересный, и его можно вынести на публичное обсуждение» выбрали 25,4% опрошенных. «При условии отсутствия информации о проекте число сторонников составило уже более трети опрошенных, и оно может возрасти при соответствующем

информировании горожан», — приходят к выводу инициаторы опроса.

«Мне кажется, что общественное обсуждение всегда очень полезно любому, даже профессиональному экспертному сообществу. Я считаю, что горожане не должны быть лишены права обсуждать такие вещи, как восстановление доминант», — говорит Александр Кононов. Тем не менее, по

его словам, бессмысленно выносить эти опросы на общегородской референдум, в этом случае нужны экспертная проработка и взвешенное решение.

«При этом важно понимать, что мнение тех жителей, кто приходит на общественные слушания или митинги в защиту чего-либо, не всегда совпадает с позицией большинства», — отмечает Дмитрий Солонников.

Но пока в нашем городе насчитывается довольно мало восстановленных храмов, и три-четыре отдельных примера все-таки не дают возможности говорить об этом как об устойчивом явлении со сложившейся практикой и устоявшейся процедурой, говорит Александр Кононов. «Она только начинает складываться», — добавляет он.

Мария Кузнецова

наследие

«Мы должны оставить потомкам красивый город»

О необходимости воссоздания высотных доминант в Петербурге, завершении строительства колокольни Смольного монастыря по чертежам Растрелли и возможности ее использования как уникальной видовой площадки, а также изменении небесной линии города в интервью корреспонденту „Ъ“ Марии Кузнецовой рассказал руководитель Архитектурного бюро «Литейная часть-91» **Рафаэль Даянов**.

— экспертное мнение —

— Как вы относитесь к появлению новых высотных доминант на ландшафте Петербурга, в частности — к их восстановлению, воссозданию или переносу на прежнее место? — Здесь в первую очередь необходимо говорить об истории Петербурга, которая будет неполной, если мы не вспомним об объектах, доминировавших когда-то. До наших дней сохранились, например, Петропавловская крепость и Адмиралтейство — те доминанты, которые сейчас формируют город. Но не нужно также забывать и о других не менее значимых сооружениях, которые столетиями выделялись на плоском городском ландшафте. На сегодняшний день ряд городских площадей вообще утратили функцию центров притяжения в связи с отсутствием на них архитектурных доминант. Возьмем, например, храм Спаса на Сенной: в разные периоды он перестраивался, но при этом оставался ключевым элементом при въезде в город. Также можно вспомнить про Благовещенскую и Борисоглебскую церкви — подобных мест в Петербурге очень много. Я считаю, что восстановление варварски разоренных доминант просто необходимо. Настало время собирать камни. Мы должны оставить потомкам красивый город. — Сейчас в городе значительное число исторических зданий нуждаются в восстановлении и реставрации. Почему, по вашему мнению, нужно начинать именно с церквей? — Речь идет в первую очередь о восстановлении архитектурных

объектов, которые являются важнейшими элементами в структуре города. При этом подобные работы производятся не на деньги государства или РПЦ. Это частные средства горожан-мecenатов, это пожелания людей, являющихся частью нашего общества. А что касается реставрации других объектов культурного наследия и исторических построек, то сейчас реализуется масштабная программа, на которую правительство города выделяет значительные суммы. — Поговорим тогда о восстановлении колокольни Смольного монастыря. Ведь она не была разрушена после постройки. Более того, по некоторым сведениям, проект существовал лишь на бумаге. — Идея реализации данного проекта впервые была озвучена около 12 лет назад — тогда мы приступили к сбору материалов, которые бы обосновали необходимость восстановления колокольни по проекту Растрелли. Как выяснилось, в описательной части трудов, посвященных работам архитектора, есть некоторые неточности. Мало кто в городе знает, что колокольня была построена до второго яруса. Более того, при проведении археологических раскопок был обнаружен мощнейший фундамент колокольни, который полностью сохранился. Кроме того, существует модель собора, хранящаяся в Академии художеств, по которой, по словам самого Растрелли, возводился этот ансамбль. Дело в том, что высота колокольни, по предварительной задумке Растрелли, составляла около 140 м, однако в процессе проектирования автор ее увеличил до 170 м,



АЛЕКСАНДР ГОРЮНОВ

или до 560 футов, — то есть на целый ярус. Также до наших дней дошли и авторские чертежи Растрелли, ныне хранящиеся в Варшаве. А для того чтобы узнать, каким именно задумывал автор свой проект, можно процитировать и самого Растрелли. Он вообще с большой любовью относился к своим объектам. «Я строю великолепный храм», — говорил он о Смольном соборе. Я считаю, что эти амбиции великого мастера нужно реализовать. А что касается описания самим архитектором особенностей будущей колокольни, то об этом можно прочитать в изданной в 2000 году по решению Царскосельского музея-заповедника книге с переводом архивных документов, хранящихся в Варшаве. «Посреди просторного двора внутри монастыря я возвел великую церковь с куполом капители, колонны и базы из чугунного литья... большая колокольня, коя будет построена при входе в монастырь, будет иметь 560 английских футов высоты. Нельзя не восхищаться великолепием сей постройки, коя снаружи и изнутри имеет дивную архитектуру», — это так он писал о своем проекте. Поэтому данный случай можно считать удивительным: материалы у нас более чем достаточно.

— То есть к строительству колокольни все же приступили. А почему тогда оно не было завершено? — Изменились руководство, политика и количество выделяемых средств. Если бы проект состоялся, то мы бы имели в городе мощную архитектурную доминанту. И сейчас в наших силах донести до потомков историю этого места. Это уникальная доминанта в восточной части, которая сильно влияла бы на небесную линию города в сочетании с Петропавловским собором и Адмиралтейством в центральной части и Благовещенским собором в западной. — Получается, что речь идет не столько о восстановлении колокольни, сколько о завершении строительства всего комплекса? — Храмы в средневековых городах строились столетиями. Поэтому, после того как проект полностью будет завершен, через 50 лет потомки нам скажут: «А помните, как долго возводился Смольный монастырь? Аж 200 лет». — Но ведь многие могут воспринять восстановленную колокольню как новодел. — Янтарный кабинет восстанавливался на моих глазах. Заново, с нуля, по фотографиям. Что сейчас

с ним? Туда невозможно попасть, поскольку желающих огромное количество. Каким был бы наш город, если бы не восстановили Павловск, Пушкин, Петергоф? Их тоже можно назвать «новоедами». Но разве они становятся от этого хуже? — Как вы считаете, впишется ли колокольня в том виде, в котором ее планируется достроить, в существующий ландшафт? — Мы сделали такое совмещение. Лично мне очень нравится. Для меня как для архитектора-реставратора подобного рода доминанта ложится на сердце. Тем более учитывая значительное количество новостроек, окруживших Смольный собор, который они практически полностью собой закрыли. — Значит ли это, что из-за реализованных за последнее десятилетие проектов Смольный фактически перестал быть доминантой? — Да, и это роковая ошибка, когда вместо собора доминантой является высотное здание, стоящее на другом берегу Невы. А когда мы находимся на правом берегу, то вместо Смольного видим новые дома. Все видовые точки на сегодняшний день убиты, поэтому новый акцент крайне необходим этому месту.

— После того как данный проект состоится, сможет ли колокольня стать новой точной притяжения для горожан и туристов в том числе благодаря ее видовым характеристикам? — Самое интересное, что, разговаривая об этом объекте, мы не говорим о нем как о церкви. Действительно, в первую очередь это потрясающая видовая площадка на карте города с уникальными характеристиками. И, конечно, к ней потянутся, как ко всякому монументальному сооружению. Надо ведь думать в том числе и о туристических тропках. Санкт-Петербург же позиционирует себя как привлекательный туристический город. Сейчас это место несравнимо меньше интересует туристов, нежели Петропавловская крепость, например, или Зимний дворец. Кроме того, с точки зрения использования здания коммерция здесь вполне приемлема — это поможет сохранению находящихся рядом объектов, поскольку на содержание огромного ансамбля нужны немалые средства. Так почему бы не использовать туристический поток для этого? — А выдержит ли инфраструктура данного района серьезный наплыв туристов, как вы полагаете? Да и в целом как это повлияет на тех, кто проживает в этом месте? — Во-первых, я думаю, что появление столь уникальной видовой площадки в первую очередь окажет услугу центру, позволив его разгрузить. Надо двигаться в сторону полицентричности — город у нас немаленький. И точки притяжения в нем исторически возникали случайно. Во-вторых, если говорить о комфортной для жителей среде, то столь интересная достопримечательность, наоборот, придаст жизни этому месту — сейчас оно все-таки больше административное и нельзя сказать, что излишне перегружено. Я полагаю, что в будущем инфраструктура «придет» вслед за общественным пространством — появятся новые объекты торговли, досуга и, потенциально, даже объекты транспортной инфраструктуры. Но последней будет уже зависеть от решения властей, бизнес же подтянется самостоятельно.

Путешествие императора

— экскурс в историю —

Памятник Александру III — пожалуй, самый странный в Петербурге. Начать хотя бы с того, что трудно описать его местоположение. (Как мы обычно объясняем «Пушкин у Михайловского дворца» или «Ленин у Финляндского вокзала».) Петербуржец, которому придется объяснять гостям города, о каком монументе идет речь, начнет так: «Ну это с бывшей Знаменской площади, которая теперь площадь Восстания, там, где перед вокзалом стала „Мечта импотента“, а сейчас он стоит перед Мраморным дворцом, где раньше стоял броневик, хотя вообще-то он стоял во дворе Русского музея», — запутается, махнет рукой, да и скажет: «На комодке бегемот», — и всем сразу станет ясно. Действительно, этот интереснейший памятник запомнился главным образом в качестве карикатуры. Больше того, он и до наших дней дожил только благодаря этому.

Но начиналось все вполне серьезно. Сразу после скоростной смерти Александра III новый император озаботился увековечением памяти своего отца. В частности, решено было возвести памятник у Николаевского вокзала — именно отсюда начиналась Транссибирская железная дорога. При жизни Александра III дорогу сумели довести лишь до Оби на западном участке и до Уссури на восточном, но и тогда было понятно, что Транссиб станет важнейшим объединяющим элементом огромной империи. Образ отца — «крепкого хозяйственника» был очень важен для Николая II, который и сам стремился стать таким, записав себя при переписи населения 1897 года как «хозяин земли Русской». Покойный царь превращается в икону для консерваторов и сторонников русской идеи. В 1899 году был объявлен конкурс на создание памятника. Неожиданно для всех его выиграл 33-летний толстовец, вегетарианец, нудист, протестант да еще и

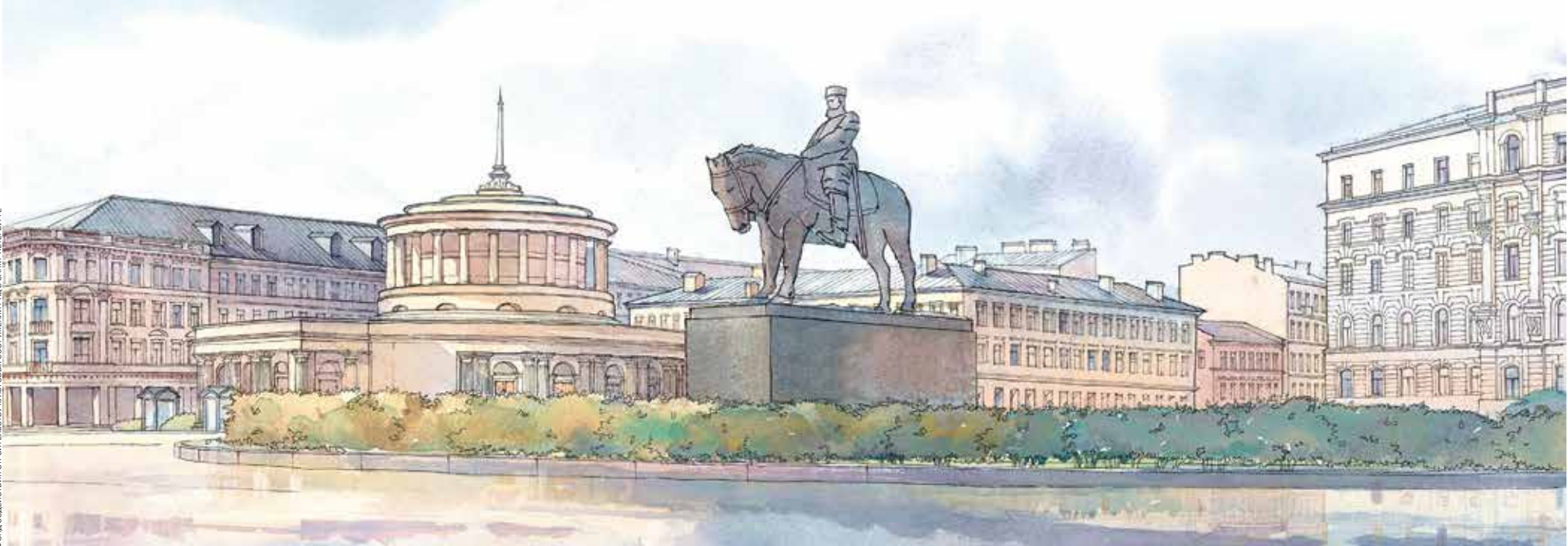


ФОТО: СОБРАНИЕ СТАТИСТОВ; ИЛЛ. ОЛЕГ СКОРЯКИН/РИА «САНКТ-ПЕТЕРБУРГ»

Несчастный бронзовый монарх чудом избежал переплавки, как многие другие царские памятники в Петербурге

иностранный подданный, то есть человек со взглядами, диаметрально противоположными тем, что ожидался от автора патристического монумента. Паоло Трубецкой был олицетворением нового века — бастард, эстет, космополит, творческая личность без какого-либо образования. Его отца, князя Трубецкого, за внебрачную связь с американкой уволили с дипломатической службы и объявили персоной нон грата. Не кто-нибудь, а лично Александр III подтвердил это, заявив, что «двоеженцев ему в России не нужно». Некоторые считают, что эта история повлияла на отношение скульптора к его работам и Трубецкой нарочно сделал шажок на царя. Но это вряд ли. Пожалуй, мелкая месть была не в стиле Паоло, а в памятнике он выразил весьма оригинальный взгляд на свою историческую родину — огромную, неужелую, опасную, но не лишённую привлекательности. Или как минимум интересную. Недаром

главную поддержку русскому иностранцу оказала иностранная россиянка — вдовствующая императрица Мария Федоровна. Без нее статуя, которую многие члены императорской семьи сразу окрестили карикатурой, вряд ли была бы отлита. Трубецкой, который совершенно случайно принял участие в конкурсе, работал как вол. За месяц с небольшим помимо эскизов он вылепил несколько образцов, включая полноразмерную (высотой больше 9 м!) глиняную модель. Для нее позировали собственный конь покойного императора и фельдфебель Пустов, подходящий ростом, фигурой и осанкой. (После отставки Пустов служил швейцаром в Государственной думе, что тоже весьма символично — как известно, Александр III терпеть не мог саму идею парламентаризма.) Многочасовое позирование Пустов переносил стоически, чему немало способствовала плоская фляжка с водкой, которую он время от времени извлекал из голенища сапога. Вместо условной хламиды, как у Медного всадника, или парадного мундира, как у Ни-

колая I, Трубецкой нарядил своего императора в мешковатую повседневную форму а-ля рюс. Именно такую ввели в армии в царствование Александра III, и именно ее отменил Николай II, к великой радости всех гвардейских щеголей вернувшись к ампирным мундирам прадедовских времен. Работа над памятником продолжалась долго, она включала и установку полномасштабной модели на Знаменской площади. Трубецкой вносил изменения в проект под воздействием членов императорской фамилии и министра финансов Витте, главного лоббиста железнодорожного строительства и, соответственно, установки памятника. В результате скульптора принудили отказаться от пьедестала в виде скалы, очевидно, напоминающего постамент под Медным всадником. Его заменили гранитным комодом, что впоследствии еще аукнулось. Для лепки модели Трубецкому был построен специальный павильон на Невском проспекте. Но сам автор при изготовлении памятника не присутствовал: в 1906 году он уехал из России, чтобы вернуться в

нее только через год после открытия памятника. Отплавляли и монтировали скульптуру без него. Существует байка, что Трубецкого специально не пригласили на открытие, но, скорей всего, его отсутствие объясняется простым бюрократическим головоуятием: приглашение в Италию пришлось слишком поздно. Так или иначе, памятник открыли 23 мая 1909 года со всеми подобающими церемониями, в высочайшем присутствии. И сразу же стало понятно, как сильно изменилась страна за десять лет. В России, уже имеющей политические партии, зубастую прессу и вольнодумную художественную бегему, портрет предпоследнего царя стал восприниматься как обобщенный образ темного прошлого. В нем стали искать символизм, даже обкорнанный хвост тяжеловоза трактовали как намек на урезанную Конституцию.

Несчастный бронзовый монарх чудом избежал переплавки, как многие другие царские памятники в Петербурге. Сначала его, как двадцать тонн цветного металла, отвезли на жилкомхозовский склад на Лиговке. Музейщики бились за спасение

скульптуры почти два года, и в конце концов Александра перевозят в Михайловский сад. Там он, впрочем, не был установлен, а лежал на боку вплоть до самой войны. Что произошло во время блокады: в лежачем положении гигантскую композицию гораздо легче было укрыть искусственным холмом, на котором летом 1942 года даже посадили овес. Один из немецких снарядов все же попал в царя, но не повредил его, лишь разметав землю. Почти десять лет памятник так и торчал наполовину из грунта, представляя собой странное зрелище. Наконец, его подняли и переместили во внутренний двор Русского музея. Он превратился в своеобразное привидение — никаких анонсов и табличек в музее не было, но посвященные в тайну знали окошко, через которое, отодвинув занавеску, можно было увидеть памятник. И только в 1994 году Александра III перевозят на Миллионную улицу. Заняв место «ленинского» броневичка в курдонере Мраморного дворца, памятник наконец-то стал самим собой — просто произведением искусства начала XX века.

Константин Шолмов

наследие

Вертикали на плоскости

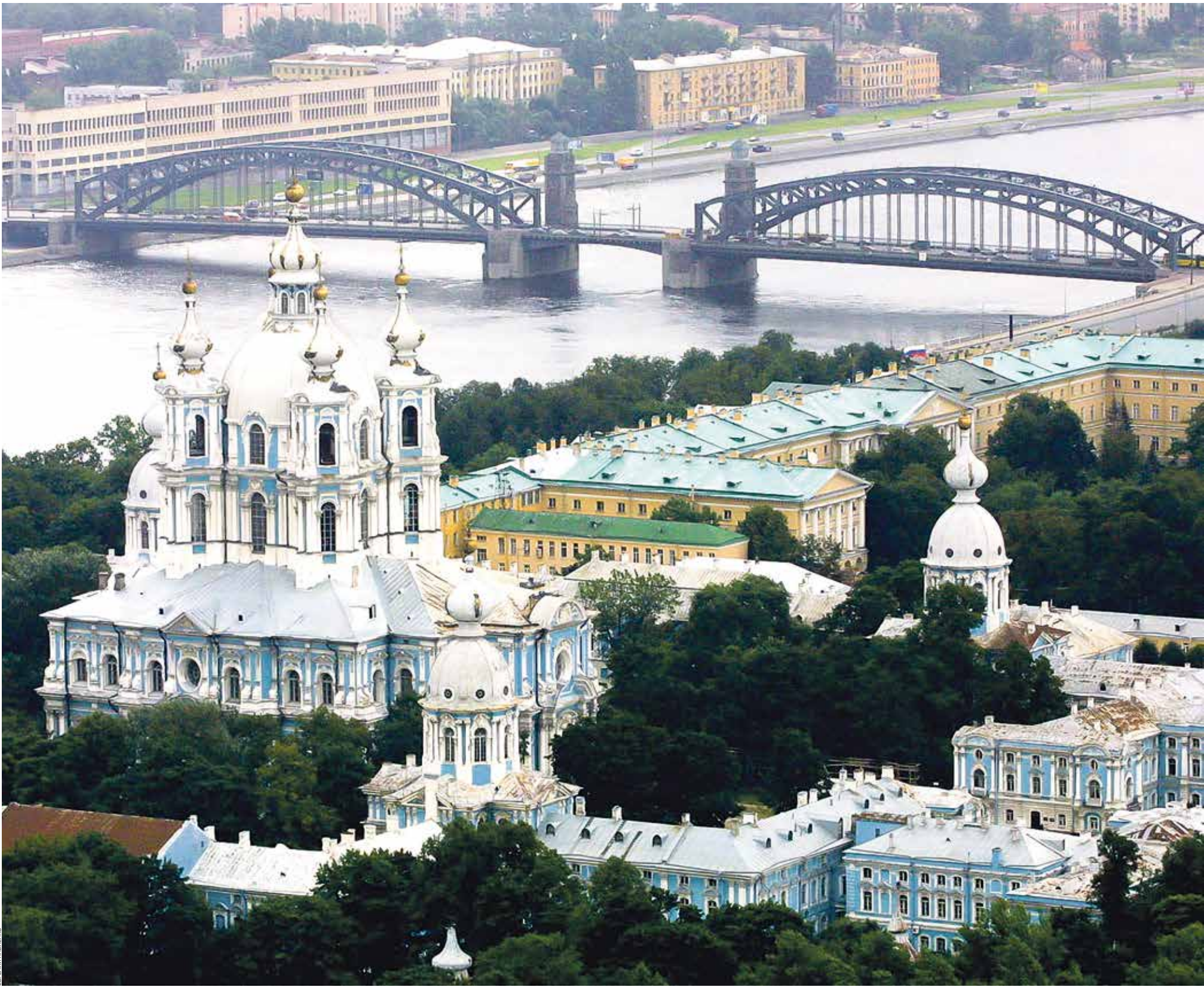
Французский маркиз Астольф де Кюстин, прибывший морем в Петербург в 1839 году, был крайне удручен открывающимся ему видом. «Несколько колоколен, предстоящих взору издалека, вызывают не столько восхищение, сколько удивление... Кажется, будто видишь линию, проведенную неуверенной рукой ребенка, обучающегося геометрии», — меланхолично отмечает он. Вольно было ему, посетившему Швейцарию, Италию и Испанию, ругать «бесконечную торфяную плоскость» невских берегов, но все устроители Петербурга, каждый по-своему, пытались вытянуть город в сторону неба.

— история вопроса —

Уже Петр I, придя к выводу, что столицу нужно делать именно в Петербурге, заказал генеральный план будущего «парадиза». Сначала Доменико Трезини, а затем Жан-Батисту Леблону, лучшему градостроителю того времени. По этому плану почти целиком Петербург располагался на Васильевском острове. В соответствии с идеями века Просвещения новый идеальный город должен был сам по себе подчеркивать идею рационального и гармоничного устройства мира, в центре которого находился, естественно, царский дворец.

Чуть позже император заказывает недавнему противнику — шведу Тессину важнейший элемент европейской столицы. Грандиозный собор с колокольной в честь святого Андрея Первозванного должен был подняться на стрелке Васильевского острова. Выбор святого был неслучаен: Петр искал идеологическое обоснование для своего движения к Европе, а в те времена такое обоснование могло быть только религиозным. Петр выбрал для этого старый апокриф о странствии апостола Андрея по славянским землям. Согласно этому преданию, первый ученик Христа от Черного моря по рекам поднялся до Ладого, вышел в Балтийское море и уже оттуда вернулся в Рим. Утверждаясь на невских берегах, Петр как бы повторял путь «нашего апостола», а Андреевский собор, царящий над морским портом на стрелке, служил бы наглядным подтверждением этого.

Никодемус Тессин выполнил проект храма, даже не приезжая в Россию. В 1725 году началась подготовка к строительству, но преждевременная смерть императора поставила на



Пятиярусная башня над западными воротами монастыря оказалась бы самым высоким зданием не только в городе, но и во всей России

нем крест. Андреевский собор на Васильевском острове все же появился, но позже, гораздо более скромный и в другом месте — на углу Большого проспекта и 6-й линии. Еще одна символическая башня по петровским планам должна была подняться в Кронштадте. По проекту Николо Микетти и Иоганна-Фридриха Браунштейна она венчала собой вход в Петровский канал. Башня служила бы маяком и одновременно триумфальной аркой, стоя своими «ногами» по обе стороны канала. Размеры арки позволяли проходить под ней большому парусному кораблю! Такой фантастический проект, конечно, требовал огромных ресурсов. Возможно, Петр, с его любовью к флоту и Кронштадту, и достроил бы канал и башню, но ему это было не суждено. Полностью гидротехническую систему достроили только через 27 лет после его смерти, а от башни остался лишь фундамент и модель в кронштадтском музее.

Следующий «прыжок в небеса» предприняла дочь Петра. «Веселая Елисавет», несмотря на известную

легкость нрава, была довольно набожной. В частности, регулярно совершала паломничества к киевским и московским монастырям. Неудивительно, что, едва взойдя на престол, она объявила, что желает начать строительство монастыря, где «в тишине и покое завершит свои дни». Местом избрали Девичий дворец, он же Смольный дом,— небольшое здание, в котором прошла юность будущей императрицы. Подобно египетским пирамидам, Смольный (точнее говоря, Новодевичий Воскресенский монастырь) превратился в главную стройку страны. Пожалуй, это был один из немногих проектов в русской истории, который получал финансирование без задержек и проволочек. На строительство ежедневно было занято до 2000 солдат Петербургского и Кронштадтского гарнизонов, а также 1500 мастеров из Ярославской и Костромской губерний «за плату в три копейки в день». В три года, с 1748-го по 1751-й, были закончены все подготовительные работы и все фундаменты, началось возведение стен. Материалы везли не только из окрестностей столицы, но и из Карелии, с Севера, с Урала. Практически все руководящие должности занимали европейские мастера, которыми руководил Бартоломео Франческо

Растрелли, находившийся в тот момент в зените своей славы. «Коль сия святая обитель по благословенному ее императорского величества положенному начале... через краткое пятилетнее... оное строение произведено, о том всяк очевидный зритель в великое удивление прийти может»,— писал современник, пораженный скоростью строительства. Однако уже через два года началась война с Пруссией, и денежный поток резко иссяк. Кое-как к 1759 году в Соборной церкви были сведены своды, а к 1761-му достроен большой купол. Но тут грянула новая беда — скончалась Елизавета Петровна, так и не успев постричься в монахини. Всякие работы в недостроенном монастыре прекратились. Отказались и от строительства отдельной колокольной высотой 140 метров. Пятиярусная башня над западными воротами монастыря оказалась бы самым высоким зданием не только в городе, но и во всей России. Ее нижний этаж по проекту прорезала арка — дань европейской моде того времени. Восстание на престол новой императрицы, Екатерины, ознаменовалось и отказом от стиля барокко. Архитектору Фельтену поручили все же закончить наружную отделку собора. Его оштукатурили,

установили церковные главки, но все равно почти на 70 лет собор остался недостроен. Даже в таком виде он производил настолько сильное впечатление, что еще один великий архитектор, Кваренги, яркий ненавистник барокко, проходя мимо Смольного, снимал шляпу и восклицал: «Ессounachies! Вот это церковь!» Колокольная была построена до второго яруса, но потом разобрана. Лишь в 1820-е годы храм начали достраивать. По проекту Василия Стасова исправили все повреждения, покрасили (в «классический» желтый цвет) стены, настелили полы, поставили окна, двери, иконостас. Лишь в 1835 году, почти через сто лет после начала строительства, Воскресенский собор был заново освящен петербургским

митрополитом. К тому времени уже существовал еще один Смольный — институт, или «Императорское воспитательное общество благородных девиц». Его здания возвели рядом с монастырем. Поэтому собор Воскресения Словущего был поименован собором учебных заведений: сперва школ и институтов Вedomства императрицы Марии Федоровны, а затем и всех остальных. После революции из собора были изъяты все ценности, в 1923 году он был закрыт. Некоторое время в здании хранились театральные декорации. После 1967 года в нем разместили экспозицию «Ленинград сегодня и завтра», а с 1990 года в Смольном соборе открылся концертно-выставочный зал.

Константин Шолмов

ИСТОРИЯ КОЛОКОЛЬНИ

- 1748 год** — создание проекта Смольного монастыря и колокольни
- 1752 год** — заложен фундамент колокольни
- 1756 год** — возведение первого яруса колокольни
- 1767 год** — приостановка строительства колокольни (смерть Елизаветы, отсутствие финансирования)

«Посреди просторного двора внутри поименованного монастыря я возвел великую церковь с куполом; капители, колонны и их базы из чугунного литья; большая колокольная, коя будет построена при входе в монастырь, будет иметь 560 английских фунтов высоты. Нельзя не восхищаться великолепием сей постройки, которая снаружи и изнутри имеет дивную архитектуру», — писал Бартоломео Растрелли.

прямая речь

Прямо в небо

В Петербурге вновь поднята тема возможности воссоздания 140-метровой колокольни Смольного собора по проекту Бартоломео Растрелли. Архитектурный объект мог бы стать новой доминантой исторической части города. При этом мнения экспертов разделяются. В любом случае, считают они, к идее воссоздания объекта надо подходить крайне аккуратно и деликатно.

Федор Туркин, председатель совета директоров холдинга РСТИ («Росстройинвест»): — Идея строительства колокольни Смольного собора по проекту Растрелли я поддерживаю примерно 20 лет и мечтаю о том, чтобы это гениальное сооружение было построено. Мы знаем примеры, когда задумки великих гениев не были при их жизни реализованы, но со временем, через столетия, воплотились в жизнь. Я думаю, что колокольная

Смольного собора украсит Петербург. В целом не хотелось бы, чтобы значительная часть Петербурга была просто музеем. У нас есть пример Венеции — города-музея, который практически умирает, из него уезжает молодежь. Исторический центр должен развиваться, чтобы гости города и те, кто работают в центре, чувствовали себя комфортно. В то же время необходимо заботиться о сохранении объектов культурного наследия и по возможности восстанавливать утраченные объекты, в особенности храмы, потому что это намоленные нашими предками места.

Алексей Шашкин, генеральный директор ГК «Геореконструкция», член Совета по сохранению и развитию территорий исторического центра Петербурга: — Как специалист по конструкциям и фундаментам могу с уверенностью сказать, что реализация данной идеи в техническом плане осуществима. Современные технологии позволяют провести качественные работы в достаточно быстрые сроки. Если говорить о личной позиции, то это очень интересная идея, скорее поддерживаю воссоздание данного объекта. Мне было бы интересно посмотреть на колокольно с разных видовых точек. Если объект действительно когда-нибудь будет построен, то он по-своему преобразит Петербург, добавит ему новую особенность.

Федор Коньков, управляющий партнер Института территориального планирования «Урбаника»: — Если бы проект колокольни Растрелли был реализован в полной мере во время строительства Смольного собора, впоследствии разрушен по той или иной причине и сейчас речь шла бы о восстановлении утраченной высотной доминанты — тогда предложения по ее восстановлению имели бы логику и их стоило бы всерьез обсуждать. Но колокольная построена не была, и то, что гипотетически может быть построено вместо нее, однозначно будет восприниматься как новодел, а не как историческое здание. Если рассуждать о восстановлении утраченных архитектурных объектов, то логичнее будет рассмотреть возможность восстановления каких-то из важных разрушенных или приспособленных под другие функции в советское время церквей и соборов города — естественно, с учетом сложившейся застройкой и сохранения образовавшихся на местах многих из этих церквей скверов. Можно вспомнить церковь Спаса на Сенной, которая два века была архитектурной доминантой Сенной площади, или немецкую реформатскую кирху на Большой Морской улице, которая была приспособлена под Дворец культуры работников связи.

Владимир Трушковский, генеральный директор ООО «Ленстройуправление»: — Почему бы и нет. Я поддерживаю данную инициативу. Из истории мы знаем, что колокольная была построена до уровня первого карниза. Наверное, пришло время осуществить задумку великого мастера. Возможно, могут возникнуть сложности законодательного плана, но они решаемы. А также с общественностью. Не всем может быть по душе высотный объект, являющийся частью религиозного комплекса. Тем не менее, на мой взгляд, все обсуждаемо и можно прийти к консенсусу. На мой взгляд, колокольная Смольного собора, выполненная по проекту Бартоломео Растрелли, удачно впишется в существующий городской ландшафт.

Екатерина Кутева, генеральный директор ПКБ «Строй-Проект» (входит в группу ЦДС), член жюри всероссийского архитектурного конкурса «АРХпроект»: — У меня двойственное отношение к этой идее. С одной стороны, предлагается завершить ансамбль Смольного собора, воплотив замысел Растрелли. Так как колокольная изначально была задумана архитектором как часть собора, она должна гармонировать с окружающим пространством. Предложение интересно еще и потому, что воссоздание исторической постройки такого масштаба

добавило бы городу известности и привлекло дополнительных туристов. Но возникает вопрос: кто сможет реализовать этот проект так, чтобы постройка не выглядела новоделом и не диссонировала со старинными зданиями? Существует опасность испортить историческое наследие Петербурга. Таким образом, беспокоит воплощение этой идеи, ведь речь идет об огромной доминанте в центре города — колокольная по высоте будет эквивалентна 50-этажному зданию. Сейчас же единственное здание выше 100 метров в городе — это «Лахта-центр». И хотя он расположен в отдалении от центра, небоскреб попадает практически во все охраняемые городские панорамы. В случае с 140-метровой колокольной нужно сначала выполнить моделирование, чтобы понять, как постройка повлияет на городскую среду, и только после этого серьезно обсуждать эту идею.

Борис Кириков, историк архитектуры: — Я полагаю, мы не имеем права исправлять историю. Чего не случилось — того не случилось. Это первое. Второе — в большей степени мы имеем представление об этой колокольне по деревянной модели в музее Академии художеств. Но там и собор показан несколько другим. Возможно, это был промежуточный вариант проекта Растрелли, наиболее предпочтительный он не смог или не успел выбрать. Таким образом, воссо-

здание колокольни — очень сомнительное предложение, к которому нужно относиться крайне взвешенно.

Рафаэль Даянов, руководитель Архитектурного бюро «Литейная часть-91»: — К данной идее отношусь глубоко положительно. Потому что это гениальное произведение гениального зодчего, но увы, так и не реализованное. В свое время я писал научную статью про колокольно Смольного собора, принимал участие в архитектурных раскопках, и обидно, что некоторые считают, что ее никогда не существовало. А она была, построил ее успели до второго яруса. Сейчас на месте колокольни сохранился мощный фундамент. Полагаю, что данный объект мог бы стать доминантой восточной части исторического центра Петербурга. Сейчас вблизи этой локации, особенно через Неву, стоят достаточно неудачные, а некоторые и вовсе безобразные сооружения. Не хотелось бы, чтобы первая четверть XXI века запомнилась именно ими. Думаю, нам есть что оставить потомкам. В том числе это может быть и воссозданная колокольная, которая вкупе с собором составит уникальный архитектурный барочный ансамбль. Тем более что у петербургских архитекторов есть традиция воссоздавать утраченные или не до конца реализованные объекты своих предшественников.